

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Лидия ФОМЕНКО

ПОЛДЕНЬ — ВЕРШИНА СУТОК

Полдневное солнце — работа: оно выполняет жизненно важную функцию — под его животворящими лучами расцветает все доброе, и оно же несет гибель мраку, тням. Так расширительно воспринимается развернутая метафора, тот образ, что просвечивает все художественное здание романа Анатолия Иванова «Тени исчезают в полдень». Метафора проясняет философию романа. Большая социальная и психологическая задача поставлена писателем. Коллизии и противоречия новой действительности, реально и исторически прослеженные корни прошлого и устремленность в будущее — вот чем держится это многотажное здание.

«Нельзя закрывать глаза на то, что есть люди — враги общества, что они притаились и еще живут, — говорит писатель. — Нельзя их не видеть, невозможно не задуматься над причинами их появления. Откуда они? В Сибири еще и сейчас живут кулаки — тени прошлого. Им худо дышится даже в тайге, где они чаще всего окапываются. И все же они могут принести немало зла. Я видел все это, живя много лет в сибирской деревне».

В этих словах автора нам приоткрываются истоки романа: замысел, характеры, события, даже выводы. Анатолий Иванов и по виду истинный сибиряк: спокойный, вдумчивый, немногословный, весь какой-то основательный. Вот и молод он еще, а впечатление прочности, впечатление основательной устойчивости не покидает вас при беседе с ним. В литературе А. Иванов работает десять лет. Первый рассказ «Радуга» напечатан им в журнале «Крестьянка» в середине прошлого десятилетия. Однако не только рассказы, собранные в книгу «Алкины песни», но и роман «Повитель», получивший высокую оценку критики, не предвещали еще того размаха социальных картин, той эпичности и того колорита, той гаммы красок, какие отличают его новый роман.

«Повитель», разумеется, была плацдармом. Оттуда началось наступление на большую тему современности. Однако в первом романе были и отголоски извест-

ных нам художественных решений типичных социальных коллизий в предоктябрьской деревне, в период революции и коллективизации. Наряду со сложным характером Петра Бородина, сын его Григорий изображен однолинейно. Все в Григории — страшное, отталкивающее, звериное: и расправа с Терентием Зеркаловым, и издевательства над женой и сыном, и преследования Евдокии Веселовой — все-все его поступки. Слишком долго терпят односельчане саморазоблачающегося врага. Единственно психологически верное и точное в Григории — острое ощущение страха. Сила нового, яркие лучи революции, то самое рассветное утро, за которым наступит долгожданный полдень, — все это заставляет тень прошлого трепетать, ежиться от страха.

Самобытность образов, характерология социальных типов, многоцветье колорита Сибири — все это творческий актив Иванова. Однако писатель решал проблему движения крестьянина к социалистическому сознанию не очень оригинально. Как только появлялся лавочник и описывалось его подворье, — становилось ясно, что владелец этого имущества погибнет, а само имущество превратится в колхозную собственность. Стоило автору назвать имя сыльного студента, как сразу угадывалось, что он-то и станет идеологом сельской бедноты. Стоило увидеть картину, возвращения солдата с фронта империалистической войны — Андрея Веселова, как любой читатель домысливает дальнейшую его судьбу, видит его активным борцом за новую жизнь. Со времен «Андрона Непутевого» через всю нашу литературу проходит этот тип. Встречалось предположение, что в решении образа Григория автор следует за другим Григорием — Мелеховым. Но между этими двумя Григориями — пропасть. Высокие черты шолоховского героя не допускают и мысли о сравнении с грязной душой растлившегося награбленным добром Григория Бородина.

Таким образом, в «Повители», при всей художественной самобытности авторского почерка, было еще много подражательного.

Теперь перед Анатолием Ивановым встал новая задача — вывести под проливающие поддневные лучи солнца более сложные типы. Тени прошлого опутали своими сетями далекую сибирскую деревню Зеленый Дол, с тихой прелестью речки Светлихи, с высоким утесом на краю села, с зеленым, покачивающимся от ветра осокорем на вершине утеса. Время действия нового романа — наши годы. Мы подходим к пятидесятилетию советского общества. Однако то тут, то там еще заметны тени прошлого. Их нужно вовремя обнаружить и обезвредить. Разумеется, они не грозят целому, но кое в чем серьезно мешают. Тени еще очень активны и дьявольски работоспособны.

Если задаться вопросом, откуда они, где берут свое начало тени, то роман Анатолия Иванова с достаточной полнотой ответит на него. Сейчас стали нередкими насмешки, откуда-де взялись в наше время «пятнам проклятого прошлого», пережиткам капитализма; мол, произошла смена поколений, а молодой человек, обнаруживший в своем сознании такие «пятна», не видал в лицо живого полицейского и капиталиста. Здесь смеяться не над чем. Они действительно существуют — пережитки капитализма. Они въедливы. От отцов переходят к детям. Традиции живучи не только добрые. Веками живут и предрассудки. То, что повелось от дедов и отцов, часто незаметно, вопреки сопротивлению, усваивается детьми. Иначе откуда же те уродства и пороки, что и сегодня еще живут, хотя и не имеют почвы в современных общественных отношениях?

Роман Иванова помогает бороться с религиозным дурманом, с фантастическими предрассудками. Но, относя роман «Тени исчезают в полдень» только лишь к группе антирелигиозных книг, мы обедним его. Значение романа много шире даже этой ответственной темы.

Глубинная художественная аргументация, отсутствие которой ощущалось в «Поветях», рельефно выступила в «Тенях». Григорий Бородин не оказался той фигурой, той личностью, на анализе душевных движений которой можно было бы проследить противоречивость социальных и психологических мотивов. Эта художественная и идейная задача решена в новом романе образом Фрола Курганова. Вот настоящая художественная удача автора!

В молодости Фрол мечется, не находит себя. Неразборчивость в товарищах, обида на Марью, уязвленная мужская гордость — все вместе приводит Фрола к полной и необратимой зависимости от Меньшиковых. Автор безжалостно казнит за это Фрола. Всю жизнь потом он содрогается от ужаса, вспоминая — и не раз! — о страшных событиях молодости. Тогда, вдребезги пьяный, он оказался свидетелем и чуть ли не соучастником зверской расправы над Марьей, учиненной Меньшиковыми. Они жестоко надругались над большевич-

кой, председателем коммуны. Эту рану в сердце и носит Фрол всю жизнь.

Слабовольного, убитого горем Фрола засасывает мешански-кулацкая трясина. Ничего не стоит Меньшиковым уговорить Фрола увести невесту у председателя колхоза Захара Большакова, увести из-за свадебного стола. И Фрол женится без любви, без влечения даже, а просто так, из озорства, из желания мстить. А мстит он не тому, кому бы следовало.

Позже, когда исчезли Меньшиковы, появляется в селе их посланник — Устин Морозов, бывший торговец Костыка Жуков, и Фрол мгновенно подпадает под его влияние. Шантаж Морозова не был таким уж коварным и тонким, но Фролу не много нужно, чтобы присоединиться к Устину, — ведь его гложет чувство вины и страха перед своими односельчанами.

Вот так, в страхе и в стремлении избавиться от него, в борьбе с самим собой, со своими добрыми намерениями и со злыми поступками, совершенными очертя голову, — так и течет жизнь Фрола до того момента, как в жизнь его, уже ближе к закату, входит поздняя любовь. Большая, настоящая, совершившая в душе и в сознании Фрола коренную ломку. Тогда и начинается разматываться клубок его путаной жизни. Стоит он на утесе возле могилы Марьи, где растет красавец осокорь, посаженный Анисимом Шатровым, и перебирает в памяти все прошедшие страшные годы. Хорош и силен в этот момент Фрол Курганов.

Хотелось бы мне как читателю видеть линию Фрола стержневой в романе. К сожалению, в сильном и искусном произведении Иванова не все благополучно с композицией, с архитектоникой вещи. Нет у него протагониста, вокруг которого располагалось бы действие, а протагонист напрашивается, вот он, все во Фроле кричит: я, я главный. Тогда бы роман стал еще сильнее. Теперь же, когда автор отказался от такого решения, где в центре стоит один герой, которому подчинены все связи и опосредствования, — при такой компоновке действие развивается по отдельным сюжетным линиям, в романе образуется несколько повестей. Отдельно повествование о Морозовых — Пистимее и Устине, отдельно — о Фроле, отдельно — о Захаре Большакове. Есть в романе и несколько менее значительных, но тоже отдельных, ну, скажем, новелл.

Не стала в романе главным действующим лицом и Пистимей Морозова, которой посвящен пролог и которая проходит через весь роман. И это естественно. Не мог Иванов отдать преимущество перед другими лицами извергам, хотя и решал задачу их разоблачения и для этого часто, иногда навязчиво совершал экскурсы в прошлое.

Однако речь здесь пойдет о главном — о социальной характеристике, которая стала сильной стороной писателя и которая дается далеко не всем.

В деревне писателю попадаются разные типы людей. Может быть, кое-кто по внеш-

ним приметам схож, а вдумаясь — они разные. Когда Устин присоединяет Фрола к Меньшиковым, Курганов отвечает резонно:

«— Это у тебя главный козырь, давно знаю. А я вот что скажу тебе — ветки дерева вместе растут, да в разные стороны глядят.

— Рухнет дерево-то, тогда... все ветки... — торопливо, будто боясь, что его перебьют, закричал Устин.

— Что ж тогда? — спокойно произнес Курганов. — И тогда не все в землю уткнутся. Некоторые в небо глядеть будут».

Но этот серьезный и полезный разговор происходит уже в наше время, когда Фрол обретает новую силу. Раньше он так не смог бы ответить Устину. Тогда он его еще боялся. Теперь Фрол стал другим, он ко всему присматривается, все анализирует и точно определяет. И мы видим: действительно ветки дерева вместе растут, да в разные стороны глядят. Не к лицу Фролу «глядеть» в ту же сторону, что и Устин. Да и сам Устин — разве не происходит с ним большой душевной перемены? Был он жесток, и очень. В молодости озлобился, когда советская власть отняла у него возможность господствовать над людьми. Яростно сражался он против этой ненавистной ему власти. А потом Филипп Меньшиков привел его под начало к Пистимее. Эта мрачная как сова молчаливица поначалу показалась Устину фанатичкой. Она стала злым гением Устина. Она давила в самом зародыше возникавшие у Устина человеческие чувства. Она натравливала его и на чужих людей и на собственных детей. Звериное начало, которое развивалось в нем ставшая его женой Пистимеей, никогда в жизни не открывшая ему своего настоящего имени (Устин так и погиб, не зная, что жену его зовут Серафима Клычкова и что она дочь богатейшего промышленника, славившегося на всю Сибирь), проявилось в жестокой расправе с сыном, Федором.

Будь Устин другим человеком, он бы считал, что ему повезло с сыном. Любопытный, добрый, в то же время целеустремленный и решительный мальчик стал бы радостью для всякого другого отца. Но не для Устина. Здесь нашла коса на камень. Автор ведет эту линию взаимоотношений Устин — Федор от самого начала, от детских лет Федора, когда он «сидел на подоконнике и, не помня себя от возбуждения, кричал» ветру:

«— Дуй, дуй, может лопнешь от натуги, а не опрокинуть утес, не сломать осокоря! Никогда-а-а! Нет, никогда...»

Отец не дал ему закончить этой фразы. Он услышал в ней многое, увидел на долгие годы вперед — и ужаснулся; не согнуть ни ему, ни матери Пистимее этого мальчика, хотя и возвращенного в изуверской семье, но воспитанного всем советским укладом. Ведь «у каждого есть на свете люди» — говорит уже подросток Федор своему отцу. «У меня вот — Клашка есть, Захар Большаков, и еще много-много есть у меня на земле людей. И сама земля есть,

со Светлихой, с зареченскими лугами, с тайгой, с Зеленым Долом, с утесом над речкой, с осокорем над утесом. Ветер-то расшибается об утес».

А дальше идет состязание взглядов. До ломоты в глазах смотрел не моргая Федор на своего родителя и не отвод от него взгляда. Ветер Устиновой злобы расшибся об этот молоденький утес.

Очень хороши слова Федора о людях, о природе. Автор сумел подсмотреть истоки высокой действенности, способной противостоять и пережиткам и предрассудкам. Эти истоки — люди на земле, наши люди на социалистической земле. Отсюда и та сила духа, которая выявляется в Федоре в плену, в застенке, перед самым страшным палачом, своим отцом — немецким старостой.

Погубив сына, Устин не смог вычеркнуть его из своего сердца. Он несет в себе образ Федора. И это в какой-то мере очеловечивает его. Вернувшись в Зеленый Дол после войны, он по-новому стал относиться к Пистимее — критически, подозрительно. Устин уже не безразличен к тому, что она хочет заживо похоронить свою дочь, готовя ее к «званию» «христовой невесты». Он все теперь замечает, даже то, с какой легкостью Пистимее переходит от вероучения к вероучению, наконец-то соображая: не фанатизм веры, а фанатизм ненависти к советскому обществу движет всеми ее поступками. Ее ничему не учат годы, в то время как Устин, хотя это ни в коей мере не оправдывает его — погубителя многих душ, все же что-то начинает видеть помимо, начинает сомневаться в чем-то «своем», что цепко держало его долгие годы. До конца это прозрение, однако, не доходит. Пистимее губит Устина безжалостно, без крика, без истерики, со спокойным сознанием, что теперь Устин ее «делу» помеха. Она дает мужу отраву с пищей, а затем поджигает дом вместе с Устином. Кара пришла не от советских людей. Волчица погубила волка, звери перегрызлись между собой.

Особый разговор о Пистимее. Ее предстория, как уже сказано, дана в прологе. Анатолий Иванов признавался в том, что он немало помучился с этим образом, психологического облика не получалось, «дать ее изнутри — было неестественно. Поэтому дал широкий пролог, чтобы были ясны истоки образа». Пролог написан сильно, размашисто. Правда, он слишком традиционен, здесь преобладают колорит и атмосфера романов Мамина-Сибиряка. Серафиме еще в годы девичества довелось узнать силу слова «власть». На всю жизнь усвоила она один завет отца: власть над людьми у того, у кого деньги. Ребенком видела она и силу иной власти над людьми: ведь воспитала Серафиму Клычкову (которая позднее возьмет себе ханжеское имя Пистимее) тетка — игуменья монастыря. Детство Серафимы прошло в скиту. Вот откуда такие повадки, такие навыки лицемерия и фарисейства...

Революция лишила Серафиму власти; едва вкусив этого зелья, она лишилась его

навсегда. Отсюда ее злоба, отсюда ненависть, отсюда фанатическая убежденность в том, что жизнь ей дана для мести тем, кто лишил ее власти. Но шли годы, и Пистимея, полагавшая, что у нее в руках теперь новая, тайная власть над душами тех, кто посещает ее молебенный дом, утрачивает и эту уверенность; рушится здание, так старательно ею воздвигаемое. И автор дает нам понять, что даже в тот момент, когда Пистимея в чем-то удавалось одержать временную победу, она с каждым годом делала все новые шаги к той пропасти, в которую свалил ее «товарищ» по побегу из Зеленого Дола, Илья Юргин.

Анатолия Иванова часто обвиняют в излишнем нагнетании мрачных картин. Да, он писатель суровый. Он не из тех, кто пригладивает жизнь. Он копает глубоко, и это дает свои замечательные результаты. Настоящий писатель не может не видеть противоречий действительности. Идет борьба за коммунизм, борьба с силами прошлого, с внешними врагами. Идет борьба за души, за сознание людей. И одна из значительнейших идеологических задач — воспитание передового сознания. Движение вперед есть борьба противоречий. И одно из противоречий наших дней стало объектом внимания писателя.

Такого рода противоречия в сознании современного человека отлично выражены образом Клавдии Никулиной. Это сильный социальный тип. Она способна привлечь симпатии своей личностью, огромной способностью любить, дающей только душевно богатым людям. Ее жениха, того самого Федора Морозова, которого она в детстве спасала, когда он по льдинам убежал от разъярившегося отца, — ее Федора призвали в армию в день свадьбы. Еще не став мужем и женой, они расстались — война разлучила их навсегда.

Проходят годы, Федор давно в могиле. Знает наверняка об этом только один его палач-отец. Клавдия ждет мужа. Все, что делает она лучшего, — все это во имя Федора. Большим жизнелюбием и человеколюбием отличаются страницы, посвященные Клавдии. Анатолий Иванов не только умеет яростно ненавидеть, он умеет пламенно любить. И ненавидит он тем яростнее, чем глубже, чем трепетнее любит людей. Любовь автора отдана Клавдии. Но он видит, как подкрадываются к тоскующей, отчаявшейся женщине призраки прошлого. Из таких вот дрогнувших душ вербуют они свое жестокое войско. Мало ли их, солдатских вдов, осиротевших до времени, мимо кого прошли радости жизни? Если есть еще дети или дети детей — тогда хватает характера и воли пересилить свою боль и отдаться чужой жизни. А если и этого нет? Куда уйдет сила души, тепло женского сердца, материнская забота? Химерические предания, легенды, обряженные в красивую заманчивую форму, коварные слова утешения тут как тут! Какие-то убогие старухи елеинными голосами, под которыми не распознаешь ханжества, вли-

вают в душу сладкую отраву, и она начинает проникать в сознание и сердце одинокой женщины.

Вот тип тоже ведь современного человека: Клавдия, прекрасная, передовая работница в колхозе, своим сознательным отношением к труду может потягаться со многими. Председатель только и опирается на таких, как Клавдия. И чуть было не просмотрел того, что не он один делает на таких ставку. Земное, настоящее и глубокое чувство помогло Клавдии вырваться из липких лап сектантов...

И, наконец, есть необходимость разобратся в том, как даются перу писателя образы передовых людей времени. Здесь в первую очередь речь должна идти о Большакове.

Светлая голова и доброе сердце — этот Захар. Только очень уж небоже! Когда познакомишься с сегодняшним Большаковым — будто и многое у него за плечами: все пути-дороги к нашим дням прошел он с партией и советской властью. Хороший в Зеленом Доле председатель — работящий, душевный и настоящий вожак. И все же... чего-то ему не хватает, какой-то щепотки соли. Где-то, когда-то надломился этот человек и живет он всю жизнь бобылем, с приемным сыном и с чужой старухой, мыслями и сердцем возвращаясь к тем дням, когда и ему светило солнце любви и радости. А раз надломился в личном — и в общественных делах не все у него ладится.

Но давайте действительно разберемся. В прологе Захар Большаков — батрак Филиппа Меньшикова — был способен в мгновение ока отплатить обидчику за оскорбление: «Силищи, как у дьявола», говорит о Захаре Парфен Сажин, дружок кулака Меньшикова. Когда же пришла советская власть и по наущению Фильки Меньшикова Фрол Курганов увел из-за свадебного стола Степаниду — не нашлось у Захара ни силы, ни смелости, ни даже злости, чтобы отомстить обидчику. Вот эта черта какого-то непротивления разламывает образ надвое: новый, нерешительный Захар мало общего имеет с боевым меньшиковским батраком.

Однако этот явный просчет автора не подточил совсем нашей веры в Захара. Все, что касается дел колхозных и даже шире — всего общества, — все это его кровно интересует. Он человек думающий, и об этом мы узнаем из первых же страниц романа. Когда заходит речь о том, «успеем ли мы» построить задуманное, «не найдется ли какой-нибудь псих, который нажмет кнопку...», на этот вопрос Захар Большаков отвечает уверенно, обстоятельно, словно не собеседнику отвечает, а подумывает сам для себя: «Должны успеть».

Чтобы зло не разливалось, на страже добра, на страже счастливого будущего стоят такие люди, как Захар Большаков. Недаром орленок Федя, почувствовав за спиной крылья, говорил «есть у меня люди на земле» и среди людей этих назы-

вал Захара Большакова, совесть Зеленого Дола. Видно, душа у Захара была, действительно, большая да красивая, если даже замышлявшие против него лихо Степанида и Фрол думают о нем, о его «человеческой душе» и как бы стыдятся сами себя.

Новь революционная и социалистическая облечена в романтический образ: лежит Марья в могиле на высоком утесе, над ней колыхнется зеленый осокорь, и это — символ правды, самоотвержения, символ высокой честности и убежденности.

А речка Светлиха словно бы уже не село только омывает, а веселит и радует она всю жизнь, разветленно представленную в романе. Ее называли Светлихой («наименовали», как по-своему, по-сибирски скажет автор) «наверно, за чистые и прозрачные, как сосновая смола, воды, за тихий нрав, за приветливо приютившие людей берега».

В эпилоге снова речь о Светлихе, об очистительной работе половодья: «А весной даже небольшие реки текут стремительно и бурливо, разбивая об утесы и каменные берега, перемалывая в водоворотах все, что туда попадет: поздраваты, как ломти серого хлеба, льдины, полуметровой толщины бревна, вывороченные с корневищами деревья, захваченные половодьем с низких мест рубленные дома...»

А потом, слив лишние воды, успокоившись и войдя в берега, почти до самой середины лета выбрасывают на песчаные отмели гнилые обломки, почерневшую щепу. Этот мусор уже никуда не годится...

Время-таки течет, как река, тоже перемалывает и выбрасывает на берег всякое гнилье и мусор.

И воздух год от года становится свежее, а земля — чище.

Но очистительная эта работа еще не кончилась.

Не только эту главную мысль автор стремится соотнести с природой, с ее игрой и с ее борьбой, не только в таких вот местах нам видится любимый многими русскими писателями прием параллелизма. Не зря у Иванова началось все со Светлихи да с ее таежных берегов. Тайга, лес, реки, утесы — тоже действуют, тоже живут у писателя-сибиряка. «Пушистые шапки снега» — такие трюизмы у Иванова хотя и встречаются, они редки. Но рядом с избитыми образами вдруг читаем: «Тайга стояла под снегом, тихая, усталая», — это уже свежо, это в ключе данной главы, данного героя, которому нужна, необходима тайга, и не как фон, а как друг, советчик, как совесть даже. В роли совести выступает тайга, по-своему открываясь заблудившемуся волку Устину Морозову. Он всегда был равнодушен к природе. Стоило в душе Устина зашевелиться чему-то человеческому, как доводится внимание к красоте, мимо которой он проходил всю свою жизнь. «Но сейчас, понуро шагая по деревне, вдруг увидел ее, ощутил каким-то обнаженным болезненным чутьем. Он почувствовал, может, впервые в жизни, как пахнет свежий, не измятый еще но-

гами снег, как из тайги накатывает волнами запах стллой хвои и приятно царапает в горле, чуть кружит голову». Все это происходит с Устином в минуту просветления, когда он начинает задумываться, так ли, как нужно, прожил он жизнь.

Однако здесь Устин не настоящий. Устин стал добрее от своего бессилия. Может быть, это было началом перехода к какому-то новому нравственному качеству. Но об этом нам остается только догадываться — Устин гибнет. И по тому, как он гибнет, нам становится даже как будто немного жаль его. А не стоило бы жалеть. И писателю незачем было окрашивать его смерть в ореол мученичества. Здесь какой-то авторский просчет.

Интерес к природе начинается у Устина с тревоги, когда из тайги до него доносится волчий вой. Вот такой параллелизм уместен. Устин уже давно вернулся домой, а вой все еще стоит в его ушах: «И над деревней висел уже не просто волчий вой, а сплошной осатанелый звериный рев». Встает страшная картина: кто-то или что-то зажало волчью лапу, вырваться волк не может, силы его гаснут, а рев крепчает. Бессилие зверя открывает нам и состояние Устина. Нет, не подобрел он, не раскаялся до конца. Слишком жестокой кажется ему Пистимея, но кажется такой не потому, что жалость или человеколюбие проникли в душу Устина, а потому, что он почувствовал: нет больше почвы под ногами.

Хорош язык романа. Лексика Анатолия Иванова богата народными, коренными крестьянскими присловьями. И пословицы у него какие-то свои, не избитые: «Грех да позор — как дозор: хошь не хошь, а нести надо». И сравнения тоже «свои», крестьянские: «Купи-продай» (так в селе прозвали Илью Юргина за торгашеские замашки) «приподнял верхнюю мокрую губу, утыканную кое-где толстыми и жесткими, как прошлогодняя пшеничная стерня, волосами...» Голова Корнеева была похожа «на увесистый пшеничный сноп. Вероятно, потому, что буйные, рыжие волосы его рассыпались во все стороны, свешивались, как колосья, на круглый лоб, на виски». Иногда возникают неожиданные сравнения, когда поэтически точно звучит казалось бы несопоставимое: «Пыль эта оседала всегда на сердце Захара, пощипывала каждый раз, затягивала тоненькой, холодной пленочкой». Пыль не может пощипывать, а тут — подходит, помогает докопаться до внутренних движений души Захара Большакова. «Голос Устина был сухой и жесткий, как шелест ржавой, пересохшей травы» — особенно точна эта «ржавая» трава, хотя опять же вроде бы трава не ржавеет, а вот поди ж ты, zapomинается. Фрол «под старость вдруг вспелнулся пламенем, как догорающее поле». Когда Фрол порезал всех женных кур и гусей, «Стешка как стояла, так и села на заснеженное крыльцо, опустив чуть не до земли руки, словно и их надрезал Фрол». Ну разве не сочное это «надрезал»?

Ненависть к «теним» выражена у писателя в острой форме гротесковых картин. Они контрастируют со светлыми тонами, с тем настроением надежды и веры в будущее, которое не оставляет вас, хотя вы и находитесь в самом сердце заговора «теней». Федор, окончив восьмой класс, принимает поздравление Захара: они говорят о зарницах, о будущем урожае, о том, что «мир большой», и оба — старый и малый — радуются его величю. По-мальчишески в лоб спрашивает Федор: «Дядя Захар, за что ты свою работу любишь?» Хорошая эта сцена, да не во всем. Автор не удержался от нарочитости и любовных ответов: «За то, что она дает тебе возможность учиться». Но вот дальше идут иные слова: «Ну за что же еще? Это ведь трудно — взять вот так да и объяснить. Я люблю, как пахнет сырая, разрезанная плугом земля, как льются с горячего неба жаворонки...»

Только это и может откликнуться в сердце парнишки, и он торопливо вступает в начатую Захаром мелодию:

«— И как спелые хлеба звенят, а? — спросил Федор.

— Ну да, и хлеба...

— И как роса на лугах по утрам ноги обжигает? И как луговые туманы стелются? Как зарницы вот горят...»

И от автора: «Как ни далеко вспыхивали зарницы, их свет все равно достигал больших, широко открытых Федькиных глаз. Глаза эти смотрели на председателя прямо и смело. Они были до краев наполнены той тихой и безграничной радостью, какой пропитан был весь этот тихий июньский вечер, вся земля, дышащая полной, могучей своей грудью, той самой радостью, с которой человек думает о делах, предстоящих ему завтра».

Те, кому показалась очень мрачной книга Иванова, пусть подольше задержатся на таких вот эпизодах.

Да, книга Анатолия Иванова драматична. Автор видит жизнь в противоречиях, в контрастах. Необходимо дать почувствовать новому поколению читателей, какая это зловещая сила — старый хищный мир собственности и изуверства. Но всему есть мера. Приведу примеры: убив Марью, Филька Меньшиков сидит на вершине утеса и спокойно выковыривает ей глаза. А несколькими главами позднее то же самое совершает над иконами маленький Федька Морозов. А дальше — страшная эпопея семьи Уварова, истинного фанатика, который хотел заживо похоронить своего сына Леньку. Долгие годы сидит Ленька

в подвале на воде и хлебе, а людям сказано, будто он утонул в Светлихе. Но и этого мало. Свежкор выгоняет ночью на мороз невестку стоять на снегу, замаливать грех. На докторшу, приехавшую к заболевшей снохе, старик Уваров напускает псов-володавов, и они обезображивают ее, калечат так, что потом врачам едва удается спасти ей жизнь. Наконец, отравление и сожжение Устина Морозова. Не слишком ли много ужасов, не слишком ли густа концентрация этих страшных сцен?

Художественно бездоказательны повседневные картины сектантского быта в районном центре Озерки, куда поселяется сребенком обесчеченная Митькой Зина Никулина. Зина работает корректором в районной газете, которую редактирует Смирнов. Петр Иванович терзается в догадках, что происходит с девушкой. А девушка становится добычей сектантов. И написаны все эти радения и прочие обрядовые акты так откровенно натуралистически, так обнаженно примитивно раскрывается похотливый брат Григорий, так нагло требовательны и оголтело агрессивны старухи, окружившие Зинаиду, что образованная девушка, при всех ее страданиях, не могла не увидеть и не понять, что попала просто-напросто в вертеп. Автор же стремится уверить нас, что все складывается как нельзя более закономерно, что отчаявшаяся Зинаида ничего не подозревает, ни о чем не догадывается.

В такие картины не верится, как не верится и в другие любовные повороты, к которым, несмотря на свой талант, позволяет себе прибегать Иванов. К счастью, примитивных решений у Иванова немного.

Итак, «тени» постепенно начинают исчезать. Они не исчезли еще совсем. Но ведь еще и не полдень. Еще не наступило то время, когда предрассудки, пороки, всяческое зло уползут с нашей прекрасной советской земли. Книжки, подобные роману Иванова, помогают этому уползанию, они гонят «тени», обнажая их, помогают людям сражаться с ними.

Книга Иванова начала свою жизнь. В пути от читателя к читателю она познакомит с молодым растущим художником слова, она разбудит мысль, разовьет чувства и включит человека в ту очистительную работу, которую ведет наша Коммунистическая партия.

141

нии большевиков. Она передала указания комитета подготовить позиции и задержать отступающие части генерала Капшеля, теснимые Красной Армией.

Когда к Зиме подошли эти каппелевские части, к станции уже были стянуты партизанские отряды Зиминского района и прибывшие из Иркутска революционные полки, но каппелевцы превосходили их численностью и вооружением.

После ожесточенных боев каппелевцы разбили партизан и учинили дикую расправу над захваченными партизанами и местным населением. Затем двинулись дальше на восток. По всему краю разгорелись последние жестокие бои.

В феврале 1920 года на станцию Зима вошла Красная Армия — части 30-й дивизии и штаб Пятой армии. Я в тот момент принимала участие в работе Зиминской партийной организации и была избрана в партийный комитет.

На собрании коммунистов я встретила жену Н. Н. Яковлева Александру Николаевну Сафонову. Узнать ее можно было с трудом. Все ее лицо и тело после пыток было в кровоподтеках и синяках. От смертной казни ее спасли в последний момент красноармейцы, занявшие Марининск. Александра Николаевна рассказала мне о том, как погиб Н. Н. Яковлев.

Было это так. После отступления советских органов и частей фронта на Амур Николай Николаевич с группой товарищей-центросибирцев двинулся через тайгу на Олекминск, чтобы пройти затем в Якутск. План этот не удалось осуществить. Советская власть в Якутске к этому времени пала. Белогвардейским бандам в Олекминске стало известно о приближении группы тов. Яковлева, и они навстречу ей направили карательный отряд. Охотились за товарищами тем более рьяно, так как белые предполагали, будто в отряде Яковлева есть золото.

Изменить маршрут, несмотря на предупреждение, отряд Яковлева уже не мог — не было продовольствия и средств передвижения. Сопровождение было бесполезным.

Отряд разделился на три небольшие группы, которые, чтобы показать свои мирные намерения, следовали одна за другой на расстоянии 10—15 километров. В последней группе остались Н. Н. Яковлев, Федор Лыткин, Иван Шевцов и еще три товарища.

Белогвардейцы, расправившись с первыми группами и не найдя золота, ночью подкрались к палатке, где укрылись Н. Н. Яковлев и его товарищи. По спящим людям бандиты дали залп из винтовок, а затем тех, кто был только ранен, расстреляли.

Вместе с частями Красной Армии я 7 марта 1920 года вернулась в Иркутск. Советские войска и партизанские отряды вступили в город через специально сооруженную в их честь ледяную арку.

После свержения колчаковского режима иркутские большевики перешли к развернутому наступлению на фронте советского и хозяйственного строительства. Помню, с каким воодушевлением рабочие и крестьяне Иркутской губернии читали в ту пору ответ В. И. Ленина на письмо черемховских шахтеров.

«Особенно дороги в нашем приветствии, товарищи, — писал Владимир Ильич, — чувство глубочайшей уверенности в полной и окончательной победе Советской власти над помещиками, капиталистами, всяческими эксплуататорами, а также непреклонная твердость и решимость преодолеть все препятствия и трудности. Именно в этой твердости рабочей, трудящейся массы я, как и всякий коммунист, черпаю уверенность в неизбежности мировой победы рабочих и рабочего дела».